

ТЕКУЩАЯ МИНУТА.

Миръ и тишина въ русской литературѣ! О мирномъ настроеніи свидѣтельствуемъ хотя бы нашъ сборникъ «Складчина». Въ немъ соединилась значительная доля литературы, и безъ сомнѣнія это соединеніе не совершилось бы такъ легко, если бы фанатизмъ, раздѣляющій наши партіи, господствовалъ въ прежней своей силѣ. Даже и теперь двѣ газеты сдѣлали хотя очень сдержанные, но неблагоклонные отзывы о сборникѣ; но читатели должны видѣть въ этомъ только слабые остатки погасающаго жара, только воспоминаніе о кипѣвшей когда-то враждѣ.

Намъ представляется, кромѣ того, что теперь на два на три мѣсяца значительная доля литературы, участвующая въ сборникѣ, въ силу этого самаго участія должна оставаться въ мирныхъ отношеніяхъ, что какъ-будто на два на три мѣсяца заключено у насъ перемиріе. Нельзя же быть товарищами и сотрудниками въ одномъ изданіи и въ то же время преслѣдовать и избивать другъ друга.

И такъ на два на три мѣсяца мы обезпечены отъ яркой полемики. Но вкусъ къ полемикѣ вообще уже давно ослабѣваетъ и въ настоящую минуту почти погасъ. Бывало въ каждой книжкѣ журнала совершалось избіеніе какого-нибудь литературнаго старца или литературнаго младенца и безъ такого избіенія книжка не считалась занимательною. Бывало въ каждой критической статьѣ не добромъ поминались всѣ враги того журнала, въ которомъ писалась статья, и даже всѣ равнодушные къ нему, такъ какъ правиломъ было: *кто не съ нами, тотъ противъ насъ*. Нынче не то. Нынче даже фельетонисты отреклись отъ веселой манеры пересыпать свои статейки всякими именами, перестали заниматься тѣмъ, что имѣло техническое названіе *журнальнаго лая*, и приняли видъ болѣе степенный и глубокомысленный.

Въ послѣднее время старые полемическіе приемы (мы не хотимъ повторить неприличнаго слова *лай*) были въ ходу только кажется относительно одного журнала, именно *Гражданина*. На *Гражданинѣ*

сыпалась брань, напоминавшая своею рѣзкостію и обиліемъ самая оживленныя времена нашей литературы. Фельетонисты, уже привыкшіе держать себя съ приличіемъ и серьезностію относительно другихъ изданій, какъ только заходила рѣчь о *Гражданинѣ*, впадали въ тонъ *Петербургской Газеты*, *Дѣла* и другихъ подобныхъ изданій, великодушно хранящихъ преданія своей лучшей поры и потому продолжающихъ ругаться такъ же, какъ ругались литераторы въ 1864 году — вѣчной памяти. Очевидно *Гражданинъ* былъ только предметомъ дававшимъ поводъ для изліянія послѣднихъ остатковъ той полемической ярости, которая такъ долго господствовала и высшее развитіе которой нужно полагать въ 1864 году. Но вотъ мы видимъ не безъ изумленія, что и *Гражданинъ* наконецъ перестаетъ возбуждать полемическую жилку. Послѣдніе мѣсяцы прошлаго года прошли для него очень спокойно, если сравнить ихъ съ первыми. Миръ, рѣшительный миръ!

Но не только миръ, а и всяческая тишина. Направленіе различныхъ журналовъ осталось различное и никакихъ перемѣнъ, или измѣнъ, въ этомъ отношеніи мы указать не можемъ. Но каждый журналъ, какъ говорится, очень *слабо проводитъ* свое направленіе. Мы не помнимъ, чтобы въ прошломъ году гдѣ-нибудь явились статьи, достойныя въ этомъ отношеніи вниманія, или даже хоть только возбудившія вниманіе. Исключеніе составляютъ можетъ быть двѣ статьи *Н. Константинова* объ Аѳонѣ, явившіяся въ №№ 2 и 4 *Русскаго Вѣстника* и содержащія нѣсколько свѣжихъ и живыхъ мыслей. Но статьи эти вовсе не подходятъ къ направленію того журнала, въ которомъ печатались, да и писаны отчасти слишкомъ легко, а отчасти слишкомъ хорошо, чтобы броситься въ глаза. Обыкновенное же содержаніе журналовъ составляли статьи, въ которыхъ не высказывалась мысль сосредоточенная и опредѣленная, а разсматривался предметъ болѣе или менѣе отдаленный отъ общихъ вопросовъ, и только кое-гдѣ проглядывали начала исповѣдуемая авторомъ.

Такому спокойному состоянію журналистики вполне соотвѣтствуетъ (мы не говоримъ, что оно есть источникъ и первая причина) и то обстоятельство, что уже давно не слышно о предостереженіяхъ, по крайней мѣрѣ о такихъ, которыя бы интересовали литературу и публику.

Правительство очевидно находитъ, что литература держитъ себя тихо, что она не можетъ возбуждать опасеній относительно спокойствія общественной мысли. Положеніе установилось, отношенія опредѣлились, и если мы будемъ осторожны, то мы можемъ долго двигаться по наѣзженной колеѣ, не подвергаясь большимъ потрясеніямъ.

На тишину въ литературѣ указываетъ еще одинъ очень явственный признакъ. Съ приближеніемъ новаго года обыкновенно предпринималось изданіе новыхъ журналовъ. Но нынѣшній новый годъ, не смотря на кой-какіе носившіеся слухи, не принесъ намъ никакой новинки этого рода, то есть не появилось никакого изданія, которымъ бы интересовалась литература или публика. Все остается по прежнему, и журналы перестали даже писать объявленія, которыми бывало извѣщали публику о своемъ внутреннемъ развитіи, объ измѣнившемся настроеніи умовъ общества и о новомъ пониманіи задачъ литературы. Время быстрого прогресса и всякихъ перемѣнъ прошло. Теперь просто пишутъ: «будемъ-де издавать на прежнихъ основаніяхъ, съ прежними сотрудниками».

И книгъ въ настоящую минуту выходитъ меньше прежняго. Особенно замѣтно уменьшеніе числа переводовъ; только романы переводятся все въ большемъ и большемъ количествѣ, и въ прошломъ году нѣмецкій романистъ г. *Самаровъ* читался, можно сказать, цѣлою Россіею.

При такомъ положеніи дѣлъ, если мы вообще зададимъ себѣ вопросъ, чѣмъ же питаются нынче умы публики, то отвѣчать будетъ не легко. «Въ головѣ средняго русскаго образованнаго человѣка долженъ существовать порядочный сумбуръ». («Отеч. Зап.» 1873. № 12 стр. 248). Такъ говоритъ г. Михайловскій въ своей интересной, но мудреной статьѣ о Штраусѣ. *Средній* человѣкъ, у котораго г. Михайловскій признаетъ сумбуръ въ головѣ, означаетъ здѣсь большинство нашихъ образованныхъ людей, всю ихъ главную массу. Мы совершенно согласны съ этимъ сужденіемъ. Публика нынче нѣсколько потерялась и не чувствуетъ въ себѣ опредѣленныхъ и живыхъ умственныхъ интересовъ. Она занимается всего больше своимъ обыкновеннымъ чтеніемъ, т. е. газетами и романами. Газеты, какъ извѣстно, есть самый

легкій родъ чтенія; газеты читаются и тѣми, кто никогда не думаетъ ни о какой наукѣ или литературѣ, даже тѣми, для которыхъ романъ, требующій все-таки того, чтобы вы помнили предыдущую страницу и не путали имена дѣйствующихъ лицъ, кажется чтеніемъ несноснымъ по своей трудности.

Но и романы очень усердно читаются, очень усердно пишутся и возбуждаютъ довольно живые толки. Какъ будто воскресаетъ художественный интересъ. На нынѣшнихъ романахъ лежитъ однако же явный слѣдъ вліянія недавно господствовавшей школы. Они пишутся съ большою небрежностію и поспѣшностію и всегда занимаютъ больше мѣста, чѣмъ имъ слѣдовало бы. Если читать книги внимательно, то вѣдь можно точно опредѣлить, медленно или быстро писалась книга, много или мало авторъ думалъ надъ каждою страницей. Если очень мало, то читателю обыкновенно бываетъ обидно. Г-жа *Смирнова* въ своемъ «Попечителѣ учебнаго округа» такъ торопится, что не можетъ даже рассказывать въ порядкѣ, и на десяти страницахъ безъ всякой нужды пять разъ забѣгаетъ впередъ и возвращается назадъ. Признаемся, мы въ этомъ не нашли ничего остроумнаго.

Да и куда намъ торопиться? Время теперь тихое, порывы прогресса приостановились, волненіе идей улеглось. Теперь самое время писать «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». По нѣмецкой теоріи прогресса, какъ извѣстно, все идетъ къ лучшему; всякія задержки, неудачи, паденія ведутъ къ новому, болѣе глубокому движенію впередъ. Это, конечно, справедливо, но не безусловно; это справедливо только для людей умныхъ, которые помнятъ, что съ ними сдѣлалось, и продолжаютъ работать умомъ. Если же мы будемъ спать, то потомъ опять примемся за старую исторію, за которую уже принимались десять разъ, и выйдетъ у насъ, какъ и прежде, толченіе на одномъ мѣстѣ, а не прогрессъ.

Н. Страховъ.